

УДК 94(470+571)“1920/1930”(092)
EDN UWWJBW<https://vestnikniign.ru>*Научная статья*

ЯКОВ И НИКОЛАЙ ГАЛАХОВЫ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА 1920 — 1930-х гг. В ПРЕЛОМЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ

Ф. Н. Козлов

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия
fedor1977@yandex.ru

Аннотация

Введение. В статье рассматривается политика советских органов управления по отношению к инакомыслящим. В фокусе внимания — события 1920-х — начала 1930-х гг. История государственно-церковных отношений анализируется через биографическую призму. В результате исследования список пострадавших за веру дополнен еще двумя именами.

Материалы и методы. Основой источниковой базы статьи стали материалы архивных документов и периодических изданий. В ходе работы были использованы историко-системный, проблемно-хронологический и историко-биографический методы.

Результаты исследования и их обсуждение. В 1921 — 1922 гг. на РСФСР обрушился голод. Под предлогом оказания помощи пострадавшим от бедствия была организована кампания по изъятию церковных ценностей. Главный парадокс процесса: верующим разрешали заменять культовые предметы равноценным количеством золота или серебра, но не хлебом или другими видами продовольствия. Реакция представителей Русской православной церкви и верующих на насильственное изъятие культовых предметов, естественно, оказалась негативной.

Заключение. Сопротивление изъятию богослужебной утвари органами государственного управления было использовано для организации очередной волны репрессий в отношении инакомыслящих. Судебные процессы завершались осуждением на значительные сроки заключения или приговорами к высшей мере наказания (расстрелу). Анализ протестных действий отца и сына Галаховых, проживавших на разных концах страны, но одинаково реагировавших на очередную экспроприацию культового имущества, свидетельствует о типичности действий верующих в условиях обострения конфронтации государства и Церкви.

Ключевые слова: Яков и Николай Галаховы, Чувашия, Казань, государственная конфессиональная политика, изъятие церковных ценностей, репрессии, судебный процесс

Для цитирования: Козлов Ф. Н. Яков и Николай Галаховы: государственная конфессиональная политика 1920 — 1930-х гг. в преломлении личности // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2025. Т. 17, № 1 (73). С. 100 — 110. EDN UWWJBW

Original article

YAKOV AND NIKOLAI GALAKHOV: STATE CONFESSIONAL POLITICS OF THE 1920 — 1930s IN THE REFRACTION OF PERSONALITY

F. N. Kozlov

Yakovlev Chuvash State Pedagogical University,
Cheboksary, Russia
fedor1977@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article examines the policy of the Soviet governing bodies in relation to dissidents. The focus is on the events of the 1920s and early 1930s. The history of state-church relations is analyzed through a biographical prism. As a result of the research, the list of victims of the faith has been supplemented with two more names.

Materials and methods. The materials of archival documents and periodicals became the basis of the article's source base. In the course of the work, historical-systemic, problematic-chronological and historical-biographical methods were used.

Results and discussion. In 1921 — 1922, famine struck the RSFSR. Under the pretext of providing assistance to victims of the disaster, a campaign was organized to seize church valuables. The main paradox of the process: Believers were allowed to replace religious objects with an equivalent amount of gold or silver, but not with bread or other types of food. The reaction of representatives of the Russian Orthodox Church and believers to the forcible seizure of religious objects, naturally, turned out to be negative.

Conclusion. Resistance to the seizure of liturgical utensils by government authorities was used to organize another wave of repression against dissidents. The trials ended with significant prison sentences or capital punishment (execution). An analysis of the protest actions of the Galakhov father and son, who lived in different parts of the country, but reacted equally to the next expropriation of religious property, indicates the typical actions of believers in the context of an escalating confrontation between the state and the Church.

Keywords: Yakov and Nikolai Galakhov, Chuvashia, Kazan, state confessional policy, seizure of church valuables, repression, judicial process

For citation: Kozlov FN. Yakov and Nikolai Galakhov: state confessional politics of the 1920 — 1930s in the refraction of personality. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2025;17(1):100—110. EDN UWWJBW

Введение

Подавление инакомыслия было характерным явлением для советского периода. Голод 1921 — 1922 гг. стал триггером этих процессов. Репрессии коснулись как отдельных личностей, так и целых семей и социальных страт — всех, кому фактически навсегда приклеилась емкая характеристика «бывшие люди». Причем в отдельных случаях родные страдали независимо друг от друга, даже не подозревая, что кто-то из них уже попал в жернова карательной системы. История отца и сына Галаховых — типичный пример последнего. Рассмотрим историю двух представителей этого рода на фоне общероссийского и регионального развития ситуации в 1920-е гг.

Материалы и методы

В ходе работы использовались документы, отложившиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации и Государственного исторического архива Чувашской Республики. Существенным дополнением к ним стали материалы местной периодической печати — газет «Чувашский край», официального органа Чувашского обкома РКП(б) и исполкома Советов Чувашской АО, «Красное знамя», органа Томского губисполкома и губкома РКП(б).

Исследование основывается на применении комплексного подхода. Историко-системный и проблемно-хронологический методы позволили рассмотреть жизненный путь отдельной личности развития государственно-церковных отношений в 1920 — 1930-е гг., историко-биографический — осуществить анализ «общего через частное» (микроанализ роли конкретного человека на фоне развития событий в целом).

Обзор литературы

Сегодня можно говорить о наличии исследований по теме голода 1921 — 1922 гг. в Поволжье [1; 6; 11] и конкретно в Чувашской автономии [2; 10]. Деятельность Комиссии по изъятию церковных ценностей в 1920-е гг. в Чувашии рассмотрела А. И. Мордвинова [9]. Вопрос о том, какую роль репрессии играли в антирелигиозной политике государства на примере Чувашской Республики изучен нами [4]. Биографический фактор на данный момент фактически не акцентирован и представлен единичными работами [7].

Результаты исследования и их обсуждение

Л. Февр отметил, что каждой цивилизации присущ собственный психологический аппарат, который отвечает «потребностям конкретной эпохи» и ни в коем случае не предназначен «ни для вечности, ни для человеческого рода вообще, ни даже для эволюции отдельной цивилизации»¹. Общественно-политический климат 1920-х гг. в России — это, прежде всего, атмосфера насилия. Моральное или физическое уничтожение тех, кого впоследствии определили короткой фразой «враги народа», — неотъемлемая, априори заданная составляющая бытования режима в силу специфики его ценностных установок и представления о враждебности окружающего «старого» мира и его «недобитых» в ходе Гражданской войны представителей. В этом плане вполне справедлива оценка Н. А. Митрохина: «Люди, совершившие переворот 1917 г. и создавшие СССР, искренне считали, что единственной полезной социальной структурой является государство, а все остальные должны быть либо уничтожены, либо перейти под его полный контроль» [8, с. 8 — 9].

Начало третьего десятилетия XX в. отмечено двумя кризисными явлениями: «царь-голод» и кампания по изъятию церковных ценностей. Эти взаимосвязанные события в большей или меньшей степени затронули все сферы жизни советского общества и коснулись каждого гражданина. При этом данное время историография о них просто умалчивала. Так, в «Кратком курсе истории ВКП(б)» слово «голод» подменялось относительно нейтральными формулировками «неурожай» и «недо-род»². В советских энциклопедических изданиях, аккумулировавших итоги науч-

¹ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 520.

² История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 237, 248.

ных изысканий, подчеркивалось, что «катастрофическая (здесь и далее курсив наш. — Ф. К.) засуха 1921 года благодаря эффективным мерам Советского государства не повлекла за собой обычных *тяжелых последствий*»³. Однако действительность была другой: тысячи погибших и сотни тысяч умирающих. Под предлогом оказания помощи последним была развернута кампания по изъятию церковных ценностей. 16 февраля 1922 г. ВЦИК принял соответствующий декрет⁴. Реакция Русской православной церкви была предсказуема. В послании патриарх заявил о запрете канонами Вселенской церкви использования культовых предметов «не для богослужебных целей». С того времени началась эскалация конфликта: партийные идеологи целенаправленно проводили в массы мысль об «организованном отпоре со стороны черносотенной церковной верхушки» и превращении церквей «в политические клубы, где идея изъятия всячески поносились» [1, с. 18 — 22; 3, с. 59 — 76; 5, с. 89 — 159].

Главный парадокс процесса: верующим разрешалось заменить «священные предметы» равновесным количеством золота или серебра, но не хлебом или другими видами продовольствия. Последний вопрос вставал при непосредственном изъятии и актуализировался в поступающих из регионов телеграммах в Центральную комиссию помощи голодающим, СНК РСФСР и лично В. И. Ленину⁵. 13 марта 1922 г. вышло правительственное постановление, «в исключительных случаях» допускающее замену церковных ценностей любыми другими, но с «равными по весу количеством золота или серебра». Отметим, что в документе ничего не сказано о продуктах питания. Обошел вниманием данный вопрос и председатель ВЦИК и одновременно председатель Комиссии помощи голодающим при ВЦИК М. И. Калинин, когда в интервью газете «Известия» в конце марта 1922 г. он заявил о готовности комиссии оказать верующим содействие в приобретении предметов религиозного обихода взамен изъятых ценностей⁶. Все предложения религиозных общин о представлении хлеба, мяса, масла и т. п. отклонялись. П. Г. Смидович, член Президиума ВЦИК и ЦК Помгол, «объяснил» одной из попавших на прием делегаций, что «нужен не хлеб, а золото»⁷.

«Мы сомневаемся, куда пойдут эти ценности. Мы сомневаемся в тех, кто их берет»⁸. Эту реплику произнес в ходе судебного заседания обвиняемый по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей в Чебоксарах Н. Галахов. Он был

³ Большая советская энциклопедия. М., 1972. Т. 7. С. 32. Стб. 83 — 84.

⁴ Декрет ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» от 23 февраля 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. 1922. № 19. Ст. 217.

⁵ ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 117 об.; ГИА ЧР (Государственный исторический архив Чувашской Республики). Ф. Р-125. Оп. 2. Д. 184. Л. 14; Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 49. Л. 46.

⁶ Известия ВЦИК. 1922. 25 марта.

⁷ Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922 — 1925 гг.: в 2 кн. / подгот.: Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. М.: Новосибирск, 1998. Кн. 2. С. 57, 306 — 307; Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918 — 1939: док. и материалы: в 4 т. / под ред.: А. Береловича, В. Данилова М., 2000. Т. 1. С. 583.

⁸ Маски сняты // Чувашский край. 1922. 19 мая.

одним из немногих, кто решился открыто выступить против действий государственных органов. В основном были факты пассивного противодействия. Так, священник церкви с. Большой Сундырь Козьмодемьянского уезда препятствовал ознакомлению верующих с декретом; служители Введенского кафедрального собора г. Чебоксары «потеряли» инвентарные описи имущества; игумен Александро-Невского мужского монастыря распространил слух о прекращении богослужений в связи с полным изъятием церковного имущества и т. д. Верующие пытались «протестовать против изъятия колокольным звоном». Небольшой инцидент произошел в Мариинском Посаде, где женщины преклонного возраста подняли шум на собрании, за что были арестованы, но тут же отпущены⁹.

Элемент недоверия к действиям властей на самом деле был характерен для многих жителей Чувашии, например, крестьянское восстание начала 1921 г., охватившее, по разным источникам, от четверти до половины из 58 волостей автономии. Оно не имело координационного центра или конкретных политических руководителей, но в выступлениях участвовали тысячи человек. Это был действительно народный протест — «беспошадный», но не «бессмысленный» «русский бунт». Крестьяне громили волостные исполкомы, жестоко расправлялись с советскими активистами, коммунистами и комсомольцами. Существенную роль в ходе восстания играл религиозный фактор, поскольку новая власть в 1918 — 1920 гг. твердо проводила антицерковную политику. Комсомольцы и коммунисты назывались «антихристами», а главным критерием определения личности незнакомого человека, являлось наличие нательного креста на шее¹⁰.

Памятуя о недавнем опыте и руководствуясь директивами «сверху», региональные власти организовали в мае 1922 г. показательный процесс: священника и группу прихожан чебоксарской Воскресенской церкви обвинили в агитации против осуществляемого изъятия церковных ценностей. Это судебное «действие» широко освещалось на страницах местной прессы¹¹. Современные исследователи отмечают публичность как одну из репрессивной политики рубежа 1910 — 1920-х гг. Активно используя пропагандистский аппарат и периодическую печать, власть, с одной стороны, показывала борьбу с «врагами революции», с другой — оказывала определенное воздействие на население [12, с. 213]. Одним из обвиняемых по вышеназванному делу и проходил Н. Я. Галахов. Он наряду со священником А. А. Соловьевым как «непримиримые враги рабоче-крестьянской власти, сознательно продолжающие дело черной революции в лице Патриарха Тихона и прочих князей церкви» был приговорен к высшей мере наказания (расстрелу). При этом один из их «коллег по несчастью» был оправдан, остальные с учетом «неграмотности, неразвитости и социального положения», «болезненного состояния» и «чистосердечного признания» осуждены к различным срокам заключения и принудительных работ. Кассация приговоренных к расстрелу во ВЦИК РСФСР привела к замене

⁹ ГИА ЧР. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 154. Л. 31, 776; Ф. Р-125. Оп. 2. Д. 174. Л. 2, 7 — 9; Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 49. Л. 25; Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922 — 1925 гг. Кн. 1. С. 63.

¹⁰ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 280. Л. 5; Ед. хр. 2224. Л. 138.

¹¹ Г. К. Верующий эсер Галахов // Чувашский край. 1922. 16 мая; Лаш-н. На суде // Там же; «Черные помощники голода» // Там же. 16 мая, 19 мая; И. К. Маски сняты // Там же. 19 мая.

смертной казни 10 годами принудительных работ для Н. Я. Галахова и 5 годами лишения свободы для А. А. Соловьева¹².

Жесткий приговор для первого не должен вызывать удивления, поскольку к мирянам с активной жизненной позицией в плане защиты веры «органы» относились с большим «вниманием», чем к служителям культа, и «показательно-воспитательные» меры к ним применялись более суровые. Кроме того, отдельные факты биографии Н. Я. Галахова свидетельствуют, что выступление против изъятия церковных ценностей было не единственным эпизодом его конфронтации с властью. Он родился в 1894 г. в г. Бежецке (встречается указание на г. Калязин) Тверской губернии. Русский. Сын священника (об отце и перипетиях его жизненного пути разговор пойдет ниже). Числится среди «неокончивших курс» в Императорском Казанском университете. В 1918 г. был мобилизован в ряды Народной армии Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. По некоторым данным, сначала служил в армии Верховного правителя России, Верховного Главнокомандующего Русской армией А. В. Колчака, затем перешел на сторону Красной армии. Демобилизовавшись в начале 1921 г., вернулся в Поволжье. После непродолжительного пребывания в Казани перебрался в Чебоксары. Здесь с 1 ноября 1921 г. работал инструктором-счетоводом, инструктором-организатором Чебоксарского отделения Казанского союза кредитных и ссудосберегательных товариществ¹³.

Имя Н. Я. Галахова было включено в списки кандидатов в члены Общества изучения местного края при Центральном чувашском музее. Данная организация была создана в феврале 1921 г. для изучения местного края, распространения научных сведений о Чувашии, ознакомления его населения с жизнью и культурой народов страны. Были установлены контакты с Российской академией наук и различными государственными музеями. Общество насчитывало около 50 членов, среди них известные ученые, деятели культуры, просвещения и здравоохранения, а также чиновники с высоким должностным статусом¹⁴. К сожалению, по известным нам архивным документам и опубликованным источникам невозможно судить о вкладе Н. Я. Галахова в культурную или образовательную жизнь региона. Исключать подобных заслуг нельзя, но вполне вероятно, что его востребованность была статусная, поскольку, имея высшее (пусть и неоконченное) образование, он выгодно выделялся на фоне остальных.

Судя по обнаруженным предварительным спискам в члены Общества и принятых в его ряды, можно отметить любопытный факт, что изначально организация формировалась на демократических началах: в них фигурировали имена представителей дворянского сословия (Е. М. Юровская, Е. Н. Эсмонт, А. В. Васильев, просветитель, миссионер и ученый-тюрколог; Н. Я. Галахов был женат на дочери последнего) [7, с. 133]. В зависимости от варианта списка фамилии Николая Яковлевича и двух вышеупомянутых «бывших дворянок» либо взяты в скобки, либо обведены в кружок и сопровождаются знаком вопроса на полях¹⁵. Присутствуют

¹² ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 3. Д. 4560. Л. 237, 252.

¹³ Там же. Ф. Р-359. Оп. 1. Д. 67. Л. 21, 24.

¹⁴ Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары, 2009. Т. 3. С. 295 — 296.

¹⁵ ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 5. Л. 1, 4.

они и в списке полноправных членов Общества, однако строка «Н. Я. Галахов» перечеркнута. Можно только предполагать, когда это произошло (на стадии согласования в различных инстанциях или уже при представлении в отдел управления облисполкома), поскольку ни один из списков не имеет сопроводительного документа. Показательно, что не только «бывшие дворяне», но и попы-расстриги (таковых было двое) претензий не вызвали¹⁶. В следующем списке (видимо, окончательном) фамилия Николая Яковлевича отсутствует вообще. Вероятно, уже шел процесс по обвинению священника и группы прихожан чебоксарской Воскресенской церкви в агитации против изъятия церковных ценностей, и совет Общества по собственной инициативе или по «рекомендации» надзорных органов избавился от «неудобного» коллеги.

В ходе допроса Н. Я. Галахов заявил, что был уполномочен прихожанами на переговоры с властями, в связи с чем устраивал собрания верующих, где «старался возбудить мысль помочь голодающим и сохранить церковные ценности» путем замены их добровольно пожертвованными вещами. Этот факт в речи общественно-го обвинителя был интерпретирован как очевидное противозаконное деяние: «Дело явно контрреволюционное. Наполовину оно велось тайно. Была установлена связь с 3 приходами, [и] если б не своевременный арест Галахова, связь была бы установлена со всеми 13 (т. е. со всеми действующими в Чебоксарах. — Ф. К.) приходами и работа по изъятию могла бы быть сорвана»¹⁷. Пытаясь объяснить логику своих действий, Н. Я. Галахов произнес приведенную нами выше реплику. Это был неприкрытый вызов, на что незамедлительно последовала реакция. «Открыто сочувствующий эсерам, разделяющий подходы экономиста М. И. Туган-Барановского, глубоко верующий»¹⁸ Н. Я. Галахов был приговорен к высшей мере наказания. В результате кассационной жалобы во ВЦИК расстрел заменен 10 годами принудительных работ. В феврале 1923 г. срок наказания на основании «акта об амнистии» сокращен наполовину¹⁹.

Во многом на формирование определенных жизненных ценностей Н. Я. Галахова оказало влияние личности отца.

Известный российский духовный писатель, пастырь-проповедник Яков Яковлевич Галахов родился 13 марта 1865 г. в семье священника Богоявленской церкви с. Городище Калязинского уезда Тверской губернии. Окончил Кашинское духовное училище, Тверскую духовную семинарию и Казанскую духовную академию. В 1890 г. рукоположен во священника Никольской церкви г. Бежецка. В 1897 — 1905 гг. был смотрителем духовных училищ в г. Новоржеве Псковской и Новоторжске Тверской губерний, преподавателем богословия в Харьковском и Черниговском духовных училищах. С 1905 по 1907 гг. — ректор Черниговской духовной семинарии. С 1908 г. — протоиерей церкви Казанской иконы Божией матери при местном университете, член Братства святителя Димитрия Ростовского и епархиального историко-археологического комитета в Томске. В 1910-е гг. заведовал Археологическим

¹⁶ ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 3. Л. 65 об. — 66; Д. 5. Л. 4, 6, 13, 30, 39 — 40.

¹⁷ И. К. Маски сняты.

¹⁸ Г. К. Верующий эсер Галахов. Лаш-н. На суде; Черные помощники голода.

¹⁹ ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 3. Д. 4560. Л. 237, 252.

и этнографическим музеем при Томском университете, преподавал богословие в вышеуказанном учебном заведении и в Сибирских высших женских курсах. Участник Священного Собора Православной Российской церкви 1917 — 1918 гг. В ноябре 1918 г. избран членом Временного высшего церковного управления при адмирале А. В. Колчаке. После установления советской власти в 1920 г. уволен со всех должностей. Два с половиной месяца находился в тюрьме Омской губЧК по обвинению в «контрреволюционной деятельности» [7, с. 131 — 132, 135 — 141].

В начале 1920-х гг. Я. Я. Галахов был настоятелем Троицкого кафедрального (Казачьего) собора в Томске. Активно выступал против «экспроприации» церковных ценностей. Местная пресса сообщала: «Профессор Галахов, настоятель кафедрального собора, церковный староста Наумов, врач Беликов и др. обнаружили попытку не подчиниться комиссии по изъятию церковных ценностей, вступили в излишне бесцельные контрреволюционные пререкания», заявив, что «отдадут ценности, только подчиняясь вооруженной силе и насилию»²⁰. Естественно, последовал арест и судебный процесс (имел групповой характер — в числе обвиняемых сразу 33 священнослужителя и мирянина). В августе 1922 г. Томский губернский ревтрибунал приговорил Я. Я. Галахова к расстрелу с конфискацией личного имущества, в ноябре того же года Сибирский Верховный трибунал высшую меру наказания заменил пятилетним заключением. Содержался Я. Я. Галахов в Александровском центральном (исправдоме) г. Иркутска, в феврале 1924 г. был амнистирован в соответствии с постановлением Президиума ВЦИК²¹.

Судьбы отца и сына пересекаются, когда жизнь сводит их в столице Татарской АССР. Будучи священником в Благовещенской церкви г. Иркутска, Я. Я. Галахов в 1927 г. в очередной раз был арестован «за контрреволюционную деятельность», которая выразилась в непризнании «Декларации» митрополита Сергия (Страгородского) и «распускании слухов» о скором падении советской власти, и приговорен к трехлетней ссылке в Туруханск. В 1930 г. освобожден с ограничением проживания в столице и крупных городах и поселился в Казани. Здесь к тому времени после освобождения по амнистии в 1927 г. уже обосновался Н. Я. Галахов. Он был заведующим Арским кладбищем, певчим церковного хора и чтецом кладбищенской церкви во имя благоверного князя Феодора и чад его Давида и Константина. 31 августа 1930 г. отец и сын арестованы по одному групповому делу. Отцу инкриминировалось распространение воззваний митрополита Кирилла (Смирнова), участие в деятельности «Казанской контрреволюционной организации церковников», в том числе «агитация в пользу выступления Папы Римского за крестовый поход против советской власти». Сыну предъявлено обвинение в связях с вышеупомянутым митрополитом и епископом Иоасафом (Удаловым), участии в деятельности «Казанского филиала Всесоюзной контрреволюционной организации „Истинные“ («Истинно православной церкви». — Ф. К.)», распространении «контрреволюционных» воззваний, вербовке новых членов и предоставлении квартиры для подпольных совещаний. В период следствия оба сначала содержались в Казан-

²⁰ Красное знамя. 1922. 13 апр., 27 мая.

²¹ Профессора Томского университета: биографический словарь. Вып. 1: 1888 — 1917 / отв. ред. С. Ф. Фоминых. Томск, 1996. С. 74.

ском пересыльном Доме заключения, затем в изоляторе ГПУ. 5 января 1932 г. Особым совещанием при Коллегии ОГПУ Татарской АССР Я. Я. Галахов приговорен к 3 годам ссылки в Актюбинскую область, Н. Я. Галахов — к такому же сроку с отбывтием наказания на ст. Исакогорка Северного края.

Дальнейшая судьба Н. Я. Галахова мартирологами не прослеживается. По данным Е. В. Махмутовой, он скончался в возрасте 45 лет от инфаркта [7, с. 133]. Следует отметить, что Н. Я. Галахов дважды реабилитирован: в 1990 г. — по делу 1930 г., в 1993 г. — по делу 1922 г. Отец после отбывтия ссылки переехал в Ленинград, где до очередного своего ареста проживал у дочери. 28 февраля 1935 г. был как «социально-чуждый элемент» вновь выслан в Казахстан, 2 июля 1938 г. скончался в городской больнице Актюбинска от инфаркта миокарда. Реабилитирован четырежды (по всем возбуждавшимся делам) [7, с. 131 — 132, 144 — 145].

Заключение

Голод 1921 — 1922 гг. оказался не только одной из самых трагических страниц отечественной истории XX в., но и роковой чертой для многих представителей духовенства и верующих. Под предлогом сбора средств для оказания помощи голодающим была организована кампания по изъятию церковных ценностей. Изначальный посыл оказания помощи голодающим вылился в экономический прессинг Русской православной церкви и массовые репрессии, которым подверглись священнослужители и прихожане. Экспроприация культового имущества вызвала протестные настроения у населения. Это ярко демонстрируют судьбы двух оказавшихся в фокусе нашего внимания представителей семьи Галаховых. Удивительно сходство реакции на действия советско-партийных органов управления, несмотря на их проживание в разных концах страны. При этом, однажды попав в жернова репрессий, ни отец, ни сын выбраться из них не смогли.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Говорова И. В. Изъятие церковных ценностей в 1922 г. в контексте государственно-церковных отношений: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 26 с.
2. Иванов А. А., Иванов А. Г. Голод начала 1920-х гг. в марийском крае: к постановке проблемы // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. № 2 (50). С. 94 — 100. URL: <https://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-2019,-2.pdf>
3. Козлов Ф. Н. Голод 1921 — 1922 годов и изъятие церковных ценностей в Чувашии. Чебоксары: Новое время, 2011. 176 с.
4. Козлов Ф. Н. Роль и место репрессий в антирелигиозной политике государства в 1917-м — начале 1920-х годов (по материалам архивов Чувашской Республики) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2009. № 2 (26). С. 149 — 151.
5. Кривова Н. А. Власть и Русская православная церковь в 1922 — 1925 гг.: Политика ЦК ВКП(б) по отношению к религии и церкви и ее осуществление органами ГПУ-ОГПУ: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. 418 с.
6. Кристалл А. М. Голод 1921 г. в Поволжье: опыт современного изучения проблемы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 31 с.
7. Махмутова Е. В. Профессор-протоиерей Я. Я. Галахов — мученик за веру // Православный собеседник: альманах Казанской духовной семинарии. 2013. Вып. 2 (23). С. 131 — 153.
8. Митрохин Н. А. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М.: Новое лит. обозрение, 2004. 648 с.

9. Мордвинова А. И. Деятельность Комиссии по изъятию церковных ценностей в 1920-е годы в Чувашии // Художественная культура Чувашии: 20-е годы XX века. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. С. 162 — 169.

10. Орлов В. В. Голод 1920-х годов в Чувашии: причины и последствия // Отечественная история. 2008. № 1. С. 106 — 117.

11. Поляков В. А. К вопросу о продолжительности первого советского голода в 1920-е годы: на материалах Поволжья // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья: сб. материалов VI регион. науч. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья (22 — 23 ноября 2001 г., Йошкар-Ола) / отв. ред. А. Г. Иванов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ; МарГУ, 2002. С. 328 — 334.

12. Соколов А. С. Роль и место органов ВЧК в политике красного террора // Власть. 2019. № 2. С. 211 — 216.

Статья поступила в редакцию 23.12.2024; одобрена после рецензирования 17.01.2025; принята к публикации 23.01.2025.

Информация об авторе:

Козлов Федор Николаевич, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева (428000, Россия, г. Чебоксары, ул. Карла Маркса, 38), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1411-6429>, fedor1977@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Govorova IV. The seizure of church valuables in 1922 in the context of state-church relations. Abstract Dis. ... Cand. of Hist. Sci. Moscow;2006. (In Russ.)
2. Ivanov AA, Ivanov AG. Famine of the early 1920s in the Mari region: towards a problem statement. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2019;(2):94—100. URL: <https://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-2019,-2.pdf> (In Russ.)
3. Kozlov FN. The famine of 1921 — 1922 and the seizure of church valuables in Chuvashia. Cheboksary;2011. (In Russ.)
4. Kozlov FN. The role and place of repression in the anti-religious policy of the state in 1917 — early 1920s (based on the archives of the Chuvash Republic). *Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*. 2009;(2):149—151. (In Russ.)
5. Krivova NA. Power and the Russian Orthodox Church in 1922 — 1925. Policy of the Central Committee of the CPSU(b) in relation to religion and the Church and its implementation by the organs of the GPU-OGPU. Dis. ... Dr. of Hist. Sci. Moscow;1998. (In Russ.)
6. Kristkaln AM. Famine of 1921 in the Volga region: the experience of modern problem study. Abstract Dis. ... Cand. of Hist. Sci. Moscow;1997. (In Russ.)
7. Makhmutova EV. Professor-Archpriest Ya. Ya. Galakhov — martyr for the faith. *Orthodox interlocutor*. 2013;(2):131—153. (In Russ.)
8. Mitrokhin NA. The Russian Orthodox Church: the Current State and Current Problems. Moscow;2004. (In Russ.)

9. Mordvinova AI. The activities of the Commission for the seizure of church valuables in the 1920s in Chuvashia. *Artistic culture of Chuvashia: the 20s of the twentieth century*. Cheboksary;2005:162—169. (In Russ.)

10. Orlov VV. Famine of the 1920s in Chuvashia: causes and consequences. *National History*. 2008;(1):106—117. (In Russ.)

11. Polyakov VA. On the question of the duration of the first Soviet famine in the 1920s: based on the materials of the Volga region. *Problems of agrarian history and the peasantry of the Middle Volga region*. Collection of materials of the conference. Yoshkar-Ola;2002:328—334. (In Russ.)

12. Sokolov AS. The role and place of the All-Russian extraordinary commission for combating counter-revolution, speculation and sabotage (Cheka) in the policy of the Red Terror. *Vlast*;2019;(2):211—216. (In Russ.)

The article was submitted 23.12.2024; approved after reviewing 17.01.2025; accepted for publication 23.01.2025.

Information about the author:

Fedor N. Kozlov, Associate Professor of the Department of National and Universal History of the Yakovlev Chuvash State Pedagogical University (38 Karl Marx Str., Cheboksary 428000, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1411-6429>, fedor1977@yandex.ru

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.